

П.Л. Лавров

Кому принадлежит будущее

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
П11

П11 **П.Л. Лавров**
Кому принадлежит будущее / П.Л. Лавров – М.: Книга по Требованию, 2021. –
125 с.

ISBN 978-5-458-54706-2

ISBN 978-5-458-54706-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

сконцентрировалась въ большихъ черныхъ глазахъ, полныхъ итальянскаго огня и итальянской живости.

Англичанинъ посмотрѣлъ на часы, взялъ пакеты, распечаталъ ихъ, пробѣжалъ ихъ содержаніе, сдѣлалъ отмѣтки карандашемъ на прочитанномъ, вынулъ изъ кармана старый нумеръ газеты, на которомъ была сдѣлана отмѣтка синимъ карандашемъ, приложилъ его къ бумагамъ, затѣмъ вынулъ изъ другого кармана небольшой и довольно потертый черный футляръ, въ которомъ оказалось старое письмо, и, развертывая письмо, началъ:

«Изъ шестерыхъ насъ осталось на сегодня четверо. Тому пять мѣсяцевъ было напечатано въ газетахъ о смерти знаменитаго художника, который въ нашемъ кружкѣ носилъ имя Джуліо. Такъ какъ на мнѣ этотъ разъ лежала обязанность устроить наше собраніе и открыть его, то я сохранилъ нумеръ газеты, гдѣ находилось извѣстіе о его смерти, о торжественныхъ похоронахъ его въ Римѣ и о рѣчахъ, при этомъ произнесенныхъ, чтобы доложить вамъ всѣ эти факты. Но нашъ товарищъ до послѣдней минуты жизни не забылъ обязательства, на себя имъ принятаго, и наканунѣ смерти написалъ намъ письмо, которое здѣсь передъ нами. Какъ предвидѣлъ и желалъ нашъ учитель, онъ остался до конца вѣренъ своему убѣжденію

«Другой товарищъ нашъ, которому мы сохранимъ его, привычное между нами, названіе Барона, на дѣялся до послѣдняго дня пріѣхать, но все усиливающаяся болѣзнь удержала его въ Ниццѣ, и сегодня утромъ полученъ отъ его секретаря пакетъ съ извлеченіемъ изъ сообщенія, которое онъ хотѣлъ сдѣлать сегодня. По частному письму, которое я получилъ

сегодня же отъ моего короткаго пріятеля, состоящаго при немъ медикомъ. болѣзнь его неизлѣчима, и ему остается едва ли нѣсколько мѣсяцевъ жизни.

Итакъ, нынѣшнее собраніе мы откроемъ вчетверомъ и можемъ немедленно приступить къ дѣлу. По принятому порядку, мы начнемъ съ прочтенія завѣщанія нашего учителя»

Онъ разгладилъ старое письмо, вынутое имъ изъ чернаго футляра, и началъ:

«Мои силы слабѣютъ, и мои послѣднія слова обращены къ вамъ, которымъ я передалъ лучшее, что во мнѣ было; вамъ, которыхъ развитіе доставило едва ли не единственное удовольствіе въ жизни и составило едва ли не единственный успѣхъ, мною достигнутый.

«Я умираю на восьмидесятомъ году такимъ же скептикомъ, какимъ былъ съ перваго пробужденія во мнѣ самостоятельной мысли, и, между тѣмъ, ничего я не желалъ такъ сильно, какъ крѣпкаго убѣжденія; ни къ чему не стремился такъ старательно, ничего не искалъ такъ неутомимо.

«Когда я убѣдился, что не въ состояніи, по моему складу мысли, по особенности моего характера, достигъ этой желанной цѣли, я постарался развить педагогически въ другихъ то, на что самъ не былъ способенъ. Я завелъ школу, гдѣ употребилъ все свое стараніе на развитіе послѣдовательности въ мысли и энергіи характера воспитанниковъ, не только не навязывая имъ какого бы то ни было единообразнаго взгляда на жизнь, но стараясь въ каждомъ развить до послѣдней возможности то направленіе, которое само собою вырабатывалось изъ его физическихъ и психическихъ особенностей. Каково бы ни было убѣ-

жленіе, къ которому склонялся мой воспитанникъ, я давалъ ему всѣ средства открыть и усилить аргументы въ пользу этого убѣжденія, ослабить и уничтожить аргументы противниковъ; я старался направить всѣ силы его ума на послѣдовательную обработку міросозерцанія въ смыслѣ этого убѣжденія, всѣ силы его характера на энергическое воплощеніе въ жизнь того, что онъ послѣдовательно продумалъ.

«Большинство моихъ учениковъ не дало мнѣ желательныхъ результатовъ. Они не были въ состояніи послѣдовательно мыслить, останавливались передъ логическими результатами собственныхъ положеній, хотѣли согласить несогласимое, пугались рѣзкаго противорѣчія своей мысли съ установившимися общественными мнѣніями. Другіе не могли установить себѣ яснаго и опредѣленнаго убѣжденія, преслѣдовали одновременно нѣсколько жизненныхъ цѣлей. Третьи оказывались вовсѣ неспособными къ какому бы то ни было энергическому убѣжденію, для осуществленія котораго они могли бы отречься отъ всѣхъ благъ жизни и личныхъ привязанностей, принести въ жертву все и всѣхъ на свѣтѣ. Они выходили изъ моей школы нѣсколько сильнѣе мыслію и нѣсколько крѣпче характеромъ, чѣмъ другіе молодые люди ихъ лѣтъ, но это было вовсе не то, чего я хотѣлъ.

«Только шесть человѣкъ изъ моихъ многочисленныхъ воспитанниковъ соотвѣтствовали моимъ желаніямъ и ожиданіямъ. Это были вы. Ваши стремленія, характеры и развитіе были рѣзко различны и рѣзко опредѣленны, но каждый изъ васъ обладалъ двумя условіями, которыя для меня были единственно существенны: послѣдовательною мыслію и неуклон-

нымъ, энергическимъ убѣжденіемъ. Я не жалѣлъ средствъ и стараній, чтобы развить каждаго изъ васъ именно въ томъ направленіи, которое его характеризовало, чтобы усилить и опредѣленнѣе очертить его особенность, дать ему наилучшіе аргументы для защиты его взгляда на вещи, вселить въ него самую неумолимую рѣшимость додумать свою мысль послѣдовательно до конца и воплотить ее въ жизнь, чего бы это ни стоило и къ какимъ бы результатамъ ни привело. Каждый мѣсяцъ вы сходились подъ моимъ руководствомъ на диспуты, и я безпристрастно выслушивалъ эти диспуты, помогая каждому въ логическомъ развитіи мысли и въ выработкѣ плановъ ея практическаго примѣненія.

«При выходѣ изъ моей школы, я взялъ съ васъ слово сѣзжаться ко мнѣ въ опредѣленные сроки и продолжать ваши совѣщанія, провѣряя ихъ практикою жизни. Вы сдержали ваше слово.

«Вы вступили на практическую дѣятельность, пошли по разнымъ дорогамъ, и, къ моей особенной радости, остались вѣрны неуклонной послѣдовательности мысли, сохранили энергію убѣжденія. Вы стали неизбежно врагами; ваши убѣжденія укрѣпились аффектами борьбы, радостью побѣды, злобою пораженія, и теперь, когда мнѣ осталось нѣсколько дней, можетъ быть. нѣсколько часовъ жизни, я могу сказать вамъ, что вы оправдали мои ожиданія: вы показали мнѣ, что, возможно и мыслить послѣдовательно и выработать въ себѣ крѣпкія убѣжденія.

«Ваши способности и ваши знанія, энергія мысли и рѣшимость дѣйствовать доставили вамъ каждому

видныя мѣста въ обществѣ. Мнѣ нѣтъ дѣла до вашихъ титуловъ и настоящихъ именъ. Вы для меня остались и теперь съ тѣми прозвищами, которыя я вамъ далъ въ школѣ и которыя вы общали сохранитъ въ вашихъ совѣщаніяхъ. Иныя изъ нихъ были пророческими. Баронъ теперь государственный человѣкъ, одинъ изъ двигателей европейской политики. Профессоръ—свѣтило науки, знаменитость ученыхъ обществъ. Джуліо — первостепенный живописецъ. Инквизиторъ — соперникъ Антонелли, одинъ изъ столповъ римскаго клерикализма. Менѣе удачно далъ я пятому изъ васъ названіе Картежника: въ 25 лѣтъ онъ не только бросилъ карты и кутежъ, но сталъ образцово-порядочнымъ человѣкомъ и теперь стоитъ въ первомъ ряду биржевыхъ царей и промышленныхъ предпринимателей; онъ считаетъ свое состояніе милліонами; его подпись имѣетъ болѣе цѣнности, чѣмъ ручательство цѣлаго государства, и при всемъ томъ онъ не измѣнился, остался послѣдователенъ въ мысли и вѣренъ первоначальнымъ убѣжденіямъ. Менѣе другихъ удалось Бабёфу, потому что весь современный строй противъ него; онъ остался почти нищимъ, провелъ не мало лѣтъ въ тюрьмахъ; не разъ едва спасался отъ казни; но его имя, проклиняемое всѣми людьми «порядка», всѣми защитниками государства, произносится съ благоговѣніемъ милліонами пролетаріата, его рѣчи на рабочихъ конгрессахъ читаются нарасхватъ и врагами, и приверженцами; при одномъ извѣстіи о его появленіи въ данномъ государствѣ министры блѣднѣютъ, полиція приходитъ въ движеніе, всѣ ждутъ народнаго возстанія, или, по крайней мѣрѣ, громадныхъ стачекъ. Не-

смотря на гоненія, несмотря на пріобрѣтенное вліяніе, онъ остался вѣренъ своей мысли и своему убѣжденію.

«Останьтесь же и въ будущемъ одинъ для другого съ этими названіями. Прошу васъ исполнить до конца послѣднюю волю вашего умирающаго учителя. Съѣзжайтесь черезъ каждыя пять лѣтъ въ день моей смерти, назначая поочередно мѣсто собранія, и за стаканомъ пива или вина высказывайте другъ другу откровенно свои убѣжденія и надежды осуществить ихъ на дѣлѣ, какъ бы эти убѣжденія ни были противоположны, какъ бы ваши жизненные стремленія ни были враждебны.

«Я усталъ писать и больше не возьму въ руки пера. Я надѣюсь, что вы будете помнить вашего стараго учителя-скептика и исполните его волю. Прощайте! Идите каждый до конца своего дорогою, къ чему бы она васъ ни привела. Думайте послѣдовательно и дѣйствуйте энергично».

Профессоръ сложилъ письмо, вложилъ его въ черный футляръ и пододвинулъ къ Бабѣфу, который молча положилъ его въ карманъ.

Затѣмъ профессоръ продолжалъ, развертывая письмо Джуліо:

«Мы приняли обязательство исполнить волю учителя и до послѣдняго раза собирались всѣ. Одинъ изъ насъ, Джуліо, остался вѣренъ данному обѣщанію до смерти, и его послѣднему слову принадлежитъ первое мѣсто на сегодняшнемъ собраніи».

«Пишу дрожащею рукою — пишетъ Джуліо — братьямъ-товарищамъ, братьямъ-врагамъ. Я — одинъ изъ всѣхъ васъ никого изъ васъ не ненавиждѣлъ, ни съ кѣмъ изъ васъ не боролся, и теперь, въ послѣднія ми-

нута жизни, съ теплою любовью отношусь къ каждому изъ васъ. Я съ наслажденіемъ слушаю и могучую научную логику Профессора, и пламенную религіозную проповѣдь Инквизитора, и тонкія политическія соображенія Барона, и широкія финансовыя комбинаціи Картежника, и грозный революціонный призывъ Бабёфа. Для меня все полно жизни и прелести, потому что я одинъ изъ васъ вижу живую, вѣчно-прекрасную сторону того, что для васъ самихъ есть лишь переходящее средство для далекой цѣли. Когда я плакалъ при звукахъ органа и ждалъ чуда св. Януарія вмѣстѣ со всѣмъ трепещущимъ народомъ, я понималъ величіе религіи настолько же, какъ понималъ величіе революцій въ минуту, когда стоялъ съ Бабёфомъ на баррикадѣ подъ краснымъ знаменемъ, и подъ ногами моими хрустѣла кукла мадонны, брошенная на баррикаду рядомъ съ бочками изъ сосѣдняго погреба. Я съ замираніемъ сердца и съ наслажденіемъ слѣдилъ за успѣхами сыщиковъ Барона, когда они разыскивали радикаловъ; и съ такимъ же наслажденіемъ, съ такимъ же замираніемъ сердца ждалъ, чтобы удался опытъ Профессора, чтобы мертвая жидкость закипѣла бактеріями и монадами; съ такимъ же наслажденіемъ и замираніемъ сердца стоялъ подлѣ Картежника на биржѣ и слѣдилъ за выигрывавшими милліоны отъ одной телеграммы, за блѣдностью разорявшихся спекуляторовъ. Что мнѣ ваши цѣли? что мнѣ все далекое, отвлеченное? Жизнь не въ этомъ: она въ стройной формѣ настоящей минуты, въ патетическомъ потрясеніи данныхъ личностей, отъ чего бы ни происходило это потрясеніе, что бы ни скрывалось подъ этою формою. Все проходитъ, смѣняется, умираетъ. Без-

смертно лишь то, что схвачено искусствомъ, что оно обезсмертило. И бессмертно оно только потому, что прекрасно, художественно схвачено. Содержаніе идеи, нравственныя цѣли жизни, научная система — все дребедень. Живеть и можетъ жить только искусство, потому что оно бессмертно и даетъ бессмертіе. Оно одно — все примиряетъ и все оживляетъ. Въ него — одна пошлость и мелочность. Но чего оно коснется, то живо на вѣки, и я каждому изъ васъ доказалъ это.

«Помните ли, Инквизиторъ, мою картину Христа, отказывающагося отъ своей матери и своихъ братьевъ? Не говорили ли вы, что этотъ Христосъ долженъ быть въ кельѣ каждаго монаха, что въ его взглядѣ, въ его движеніи аскетъ долженъ черпать силу убить всѣ привязанности, всѣ человѣческія чувства и связи на алтарѣ религіи, которая не должна знать ничего человѣческаго?

«А вы, Профессоръ, помните ли мою другую картину, изображающую того же Христа, картину, съ которой и вы пожелали имѣть снимокъ для вашего «Генезиса человѣческихъ заблужденій?» Я передалъ минуту, когда Христосъ объявляетъ себя Мессіею, и вы признались, что для психіатра это была драгоценнѣйшая иллюстрація помѣшательства религіознаго визионера и идіотическаго вѣрованія неразвитыхъ послѣдователей его.

«Одно искусство, всесильное всегда и вездѣ, могло изобразить одну и ту же личность богомъ для фанатика и помѣшаннымъ для ученаго реалиста. Реальный Христосъ могъ быть или не быть; все равно;

онъ живеть, какъ божественный типъ въ воображеніи вѣрующаго, какъ типъ психопата въ мысли ученаго, и лишь творчество искусства дало ему эту жизнь.

«И не разъ я доказывалъ борющимся партіямъ, что искусство ихъ господинъ, что оно можетъ по своей волѣ воплотить въ очевидность какую угодно идею, какое угодно нравственное или политическое стремленіе. Припомните, напримѣръ, двѣ мои картины, выставленныя рядомъ въ Парижѣ. На одной Людовикъ XIV произносилъ свое: «государство, это — я»; и зритель долженъ былъ невольно согласиться, что всѣ эти опытные, ученые, заслуженные, почтенные, но обыкновенные люди, къ которымъ обращена гордая рѣчь короля, суть низшія, ничтожныя существа передъ личностью монарха, просвѣтленнаго величіемъ своего сана, какъ бы обоготвореннаго искусствомъ. На другой картинѣ я изобразилъ сентябрьскіе дни 1792 г., и всякій зритель сознавалъ въ кровавыхъ, безпощадныхъ палачахъ не представителей минутной страсти, временнаго взрыва, а мстителей за нѣсколько вѣковъ народнаго страданія, воплощеніе исторической заслуженной казни надъ гнилымъ, себялюбивымъ и бессмысленнымъ міромъ; беззащитныя, гибнущія жертвы стали подъ моею кистью наглядными представителями отжившаго прошедшаго, того развращеннаго дворянства и духовенства, которыя сами погубили себя своимъ эгоизмомъ и своею ограниченностью. — Для всемогущаго искусства одинаково удобенъ и одинаково нагляденъ былъ апоѳеозъ деспотической монархіи и кровавой народной революціи.

«А мои двѣ акварели: фабрикантъ и поденщикъ,

изъ которыхъ одна обогатила бы меня, если бы я былъ въ состояніи удержать у себя деньги, а другая и въ дешевомъ политипажѣ разошлась въ нѣсколькихъ стахъ тысячахъ оттисковъ среди рабочихъ Европы. Это были одни и тѣ же лица, почти въ томъ же положеніи, но нѣсколько штриховъ — и картинки составляли поразительный антитезъ. Съ одной стороны передъ вами былъ представитель энергичной интеллигенціи, развитого человѣчества, рядомъ съ тупымъ идіотомъ, который безъ мысли перваго остался бы вѣчно въ доисторическомъ періодѣ развитія; передъ вами былъ естественный повелитель и руководитель рядомъ съ человѣкомъ, обреченнымъ самою природою на вѣчное подчиненіе. Съ другой стороны, вы имѣли вырождающійся, испорченный типъ эксплуататора, живущаго чужимъ умомъ, чужимъ трудомъ, и передъ нимъ былъ представитель труда, подавленный исторіей, но выработавшій въ вѣчной борьбѣ здоровую мысль и энергическую ненависть къ своему врагу; вы говорили себѣ: это — отживающій міръ, который обреченъ на скорую гибель, и гибель его придетъ отсюда, отъ этого умнаго, озлобленнаго человѣка, который такъ спокойно смотритъ на своего плута-патрона, но потому лишь, что готовится нанести ему смертельный ударъ. — Весь социальный вопросъ, надъ которымъ такъ бьются мои друзья Картежники и Бабёфъ, былъ рѣшенъ мною въ этихъ двухъ аквареляхъ въ нѣсколько минутъ, рѣшенъ по произволу въ ту или другую сторону, потому что искусство господствуетъ надъ всѣмъ, повелѣваетъ всѣмъ, по произволу, по прихоти минуты возвеличиваетъ и унижаетъ: внѣ его все мелко, ничтожно, мертво. Внѣ его нѣтъ жизни,